

фармакологічно активні інгредієнти артишоку, як цинарин і кофеїнова кислота.

Сечогінну дію інших рослинних інгредієнтів — вівса посівного і кореня кульбаби — пов'язують з дією флавоноїдів і глікозидів, що входять до їх складу. За потужністю діуретичної дії ці рослини, безперечно, поступаються синтетичним салуретикам. Проте сечогінний ефект фітокомпонентів «Депураліни» цілком достатній і водночас не викликає властивих лікам цієї групи ускладнень, а також супроводжується збільшеним виведенням не тільки води, але й азотистих шлаків і каменетвірних кислот. Сечогінна дія флавоноїдів також не без підстав пов'язана з розширенням ниркових судин і зі збільшенням фільтрації первинної сечі.

Таким чином, завдяки своєму унікальному складу і багатогранним фармакологічним ефектам, «Депураліна» є високоєфективним і безпечним

засобом патогенетичної корекції порушень, що виникають у пацієнтів із МС, а саме: сприяє зменшенню надмірної маси тіла, досягненню достатнього метаболічного контролю, оптимального рівня артеріального тиску, запобігає виникненню цукрового діабету 2 типу і серцево-судинних ускладнень.

ЛІТЕРАТУРА

1. Мищенко Л. А. Метаболический синдром / Л. А. Мищенко // Здоров'я України. — 2007. — № 10. — С. 24–25.
2. Мамедов М. Н. Артериальная гипертензия в рамках метаболического синдрома: особенности течения и принципы медикаментозной коррекции / М. Н. Мамедов // Кардиология. — 2004. — № 4. — С. 95–100.
3. Коваленко В. Н. Проблемы диагностики и ведения больных с метаболическим синдромом / В. Н. Коваленко, Е. Г. Несукай, А. Ю. Яковенко // Український кардіологічний журнал. — 2006. — № 4. — С. 98–105.
4. Мкртумян А. М. Основной подход к фармакотерапии метаболического синдрома / А. М. Мкртумян, Е. В. Бирюкова // Consilium Medicum. — 2006. — № 5. — С. 10–12.

5. Лукьянчук В. Д. «Депураліна» — высокоэффективное пробиотическое средство детоксицирующего типа действия / В. Д. Лукьянчук, Е. М. Мищенко, М. Н. Бабенко // Український журнал клінічної та лабораторної медицини. — 2010. — Т. 5, № 1. — С. 155–158.

6. Лук'янчук В. Д. Депураліна — дієтична добавка чи лікарський засіб / В. Д. Лук'янчук, І. І. Тернинко // Фітотерапія. Часопис. — 2010. — № 3. — С. 39–42.

7. Топчий Н. В. Возможности коррекции запора у пациентов с ожирением / Н. В. Топчий // Справочник поликлинического врача. — 2005. — № 5. — С. 16–18.

8. Куцик Р. В. Лен культурный (син. лен посевной) *Linum usitatissimum* L. / Р. В. Куцик, Б. М. Зузук // Провизор. — 2006. — № 1. — С. 20–28.

9. Коваленко Н. Научное обоснование и практическое использование пробиотических препаратов / Н. В. Коваленко // Вісник фармакології та фармацевції. — 2007. — № 6. — С. 10–15.

10. Препарат «Хофитол» в комплексной терапии хронического гломерулонефрита / Е. Волошинова, Ф. Голубинов, Д. Рахов, А. Ребров // Врач. — 2009. — № 1. — С. 27–30.

УДК 615.015:378(470+57)''18''

К. К. Васильев, М. С. Бекало, В. В. Годован

ПРЕПОДАВАНИЕ ФАРМАКОЛОГИИ В XIX ВЕКЕ В ВЫСШЕЙ МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Одесский национальный медицинский университет

На сегодняшний день имеется ряд публикаций об истории преподавания фармакологии в высшей школе, однако эти разрозненные данные не дают общей картины развития преподавания фармакологии в отмеченный период в Российской империи [1–5 и др.]. В связи с этим **целью** нашей работы было восполнить существующий пробел.

Основным историческим источником для нас были уставы высших учебных заведений

Российской Империи. В то время именно эти законодательные акты регламентировали деятельность вузов, определяя организационное устройство и порядки в университетах и академиях.

К эпохе античности относится появление термина “*materia medica*”. Под таким названием известен труд Педания Диоскорида из Аназарб (*лат.* Pedánius Dioscorídes Anazarbeus, *греч.* Πεδάνιος Διοσκουρίδης Ανάζαρβo; около 40 н. э. — около

90). Римский гражданин, родом грек, Диоскорид был военным врачом в армии императора Нерона. Сочинение свое в пяти томах он написал на греческом языке (“*Περί ὑλης ἰατρικῆς*”), но в средневековой Европе оно было больше известно в латинском переводе — “*De materia medica*” (“*materia*” — материя, вещество). Заголовки книги “*De materia medica*” на русский язык переводился как «О медицинской материи», или «О врачебной ма-

терии», или «О лекарственных веществах». Труд Диоскорида содержит описание более чем 600 лекарственных растений, которые применялись в медицинской практике во времена императоров Клавдия (41–54 гг. н. э.) и Нерона (54–68 гг. н. э.), пользовался непререкаемым авторитетом вплоть до XVI в. [6, с. 170].

В XVIII ст. в Российской империи “*materia medica*” («материя медика, или наука о лекарствах») преподавалась в госпитальных школах, а затем в медико-хирургических училищах. В ту эпоху фармакологии как отдельной учебной дисциплины не было. Позднее материя медика как предмет преподавания разделится на фармакологию и «фармацевтическую науку (фармацию)». Становление фармакологии как самостоятельной дисциплины относят только к концу XVIII ст., ко времени издания первого специального труда, посвященного исключительно проблемам действия лекарственных веществ на организм человека и написанного немцем К.-Ф.-А. Греном (Friedrich Albert Carl Gren, 1760–1798) — “*Handbuch der Pharmacologie oder der Lehre von den Arzneymitteln*” (Halle, 1790). К материи медицине близко примыкала ботаника (вышеназванный Педаний Диоскорид является одним из основателей ботаники), а также тогдашняя химия. Поэтому не случайно, что все эти три дисциплины преподавались в медико-хирургических училищах одним профессором. Так, с 1787 г. штат в данных училищах в Российской империи состоял всего из четырех профессоров: 1) анатомии, физиологии и хирургии; 2) патологии, терапии и медицинской практики; 3) ботаники, материи медицины и химии; 4) акушерства, женских и детских болезней [7, с. 39]. Например, в Кронштадтском училище с того же 1787 г. профессором одновременно трех учебных дисциплин — бо-

таники, материи медицины и химии — был Иоганн-Христиан Рингебройг (Ringebroig, 1754–1802) [8].

В основанной в 1798 г. на базе медико-хирургических училищ Петербургской медико-хирургической академии (ПМХА; с 1881 г. — Петербургская военно-медицинская академия, ПВМА), согласно общему обзору академического преподавания, изложенному в записке товарища министра внутренних дел графа П. А. Строганова (тов. министра в 1802–1807 гг.) на французском языке под названием “*Ecole de Medecine*”, порядок обучения в начале XIX в. был следующий. В первом классе преподавали математику, физику, анатомию, физиологию и ботанику. Во втором — повторяли все вышеназванные предметы, кроме математики, и читали химию и материя медицику. В третьем — повторяли последние предметы, а также читали патологию, терапию и хирургию. Наконец, в четвертом (полный курс учебы в академии составлял 4 года) — повторяли последние и читали акушерство и судебную медицину. По продолжительности курсы вышеназванных предметов были различными. Одни — с сентября по январь, другие — с января по август. Материя медицина читалась во все учебные месяцы с объяснением всего известного о врачебных веществах [1, с. 8].

В 1758 г. состоялось открытие медицинского факультета Московского университета. В XVIII в. на этом факультете Семен Герасимович Зыбелин (1735–1802), кроме химии и практической медицины, читал и материя медицику. Во второй половине 1780-х и на протяжении 1790-х объявлялось, что профессор «изъяснять будет, во-первых, о силе простых лекарств, действующих различным образом в теле человеческого, следуя Фогелевской истории материи медицинс-

кой, с показанием притом и новых изобретений славнейших мужей; потом присоединит к сему предписываемые в употребительных здесь фармакопеех составления лекарств сложных с их употреблением; и ежели время дозволит, не преминет показать и способ, как должно предписывать лекарства...» [9, с. 290]. Как видим, С. Г. Зыбелин излагал «Материю, так называемую Лекарственную» по учебнику профессора геттингенского университета Р.-А. Фогеля (Rudolph Augustin Vogel, 1724–1774) “*Historia materiae medicae ad novissima tempora producta*” (Leiden und Leipzig, 1758, 1760, 1764 und 1774).

В самом начале вступления своего на престол Александр I провел масштабную реформу просвещения (1802–1804), составной частью которой было создание университетов в единой государственной общероссийской системе образования.

12/14 сентября 1803 г. был утвержден устав Дерптского университета (с 1893 г. — Юрьевский, ныне Тартуский, Эстония), согласно которому на медицинском факультете этого университета предусматривалось по штату шесть профессорских должностей, в том числе должность профессора «диететики, врачебного веществословия (*materia medica*), врачебной истории и врачебной словесности» [10]. Таким образом, комплексный профессорский курс состоял из нескольких учебных дисциплин. Профессор этой кафедры читал в том числе *materia medica*, которая на русский язык переводится как «врачебное веществословие».

Вместе с тем, надо отметить, что к этому времени — начало XIX в. — *materia medica* уже имела две четко обозначенные части: фармацию и фармакологию. В 1810–1814 гг. Карл Максимович фон Бэр (1792–1876), ставший одним

из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии, проходил курс наук на медицинском факультете этого университета. В автобиографии он пишет, что вначале была фармация, которая читалась два семестра: «Причем на одном семестре мы изучали изготовление лекарственных препаратов, а на другом — сырые лекарственные продукты по их существенным признакам» [11, с. 143].

После этого переходили к изучению фармакологии, которая также читалась два семестра. К. М. фон Бэр вспоминает: «Но как читался этот курс? — в порядке алфавита, притом не так, как данные объекты существуют в природе (объединяя цветы, стебли и корни каждого растения), но по названиям медицинских препаратов. Таким образом, R. Rhei и R. Salep — т. е. слабительный ревеня и укрепляющий салепа — были поставлены рядом, неподалеку от R. Valerianaе (корень валерианы — *авт.*). Herba Altheae (листья проскурняка — *авт.*) следовала за H. Menthae piperitae (листья обыкновенной мяты — *авт.*); Emplastrum Cantharidum (пластырь шпанских мух, нарывного действия — *авт.*) помещался рядом с E. Cicutae (пластырь из цикуты — *авт.*) и после E. adhaesivum (обыкновенный липкий пластырь — *авт.*).

Не нужно быть медиком, чтобы понять, что для начинающих такое расположение было бессмысленно, так как все медикаменты были перемешаны, близкие по действию препараты были оторваны друг от друга, а совершенно несходные между собой оказались в случайной связи согласно первым буквам алфавита. Наверное, это было сделано для того, чтобы избежать в фармакологии всяких теорий. Это похоже на то, как если бы преподаватель географии вел преподавание по географическому словарю вмес-

то того, чтобы изучать города и области по государствам, к которым они принадлежат. Конечно, это было вернейшим способом устранить всякое понимание предмета. Эти лекции по фармакологии действовали именно таким образом. Уже лучше бы лектор придерживался старого деления на *roborantia* (укрепляющие — *авт.*), *solventia* (разрешающие или рассасывающие — *авт.*), *sudorifica* (потогонные — *авт.*), *carminative* (ветрогонные — *авт.*) и т. д. Тогда еще не было химических анализов, не было опытов, выясняющих действие того или иного препарата как основание для группировки. Все это пришло позднее. Чтобы бессмыслица была еще полней, профессор (Мартин-Эрнест Стикс (Styx), 1759–1829 — *авт.*) приводил при более важных лекарственных средствах целые списки болезней, при которых данное средство применяется, и, по видимому, ставил себе в заслугу наибольшую полноту этих списков» [11, с. 142].

Как видим, фармакология излагалась исключительно в алфавитном порядке расположения лекарственных веществ без малейшей попытки более естественного и научного их распределения, а химических и экспериментальных исследований еще не проводили.

В том же 1803 г. (18/30 мая) был утвержден устав Виленского университета (ныне Вильнюсский, Литва). На медицинском факультете в штате семь профессоров. Кафедра, на которой изучаются лекарственные вещества, именуется — «врачебного вещевословия или о врачебных припасах (*materia medica*)» [12, с. 65].

5/17 ноября 1804 г. Александр I подписал приказ об университетском уставе для остальных университетов империи — Московского, Харьковского и Казанского. Этот документ известен как первый общий университетский устав

Российской империи. Согласно этому уставу, штат медицинского факультета состоит из шести профессоров, а соответствующая кафедра названа — «врачебное вещевословие, фармация и врачебная словесность» [13–15].

Таким образом, комбинированный профессорский курс по этой кафедре включал три учебные дисциплины: 1) врачебное вещевословие, 2) фармацию, 3) врачебную словесность. Впервые *materia medica* разделена на две учебные дисциплины — «врачебное вещевословие» («врачебное вещевословие» в узком понимании — синоним фармакологии, позднее вместо словосочетания «врачебное вещевословие» станет употребляться термин «фармакология») и «фармацию».

Вернемся к ПМХА. В сентябре 1805 г. ректором этой Академии стал Иоганн-Петер Франк (1745–1821). Уже 4/16 ноября этого же года он представил министру внутренних дел план преобразования Академии, который предусматривал значительное расширение программы преподавания. А к концу ноября министр сообщил о своем согласии с планом и предложил конференции Академии приводить данный план в исполнение. На основании плана преобразования академии И.-П. Франк составил ее устав и штаты, и 18/30 декабря 1806 г. они были утверждены [16]. Устав И.-П. Франка предусматривал в Академии наличие семи кафедр медицинского профиля, в том числе кафедру общей терапии и материи медики. Таким образом, этот устав вернулся к учебной дисциплине *materia medica* (в отличие от первого общего университетского устава Российской империи 1804 г., где материя медики разделена на два предмета преподавания — «врачебное вещевословие» и «фармацию») и, кроме того, объединил пре-

подавание материи медики на одной кафедре (одним профессором) с общей терапией. Однако через два дня после утверждения нового устава введение его в действие было приостановлено ввиду противодействия лейб-хирурга Александра I Я. В. Виллие (1768–1854) [17].

Следующий устав Академии был принят 28 июля/9 августа 1808 г. [18]. Он предусматривал как кафедру фармацевтической науки (фармации) [19], так и кафедру ботаники и фармакологии. Таким образом, в соответствии с первым общим университетским уставом Российской империи (1804), в уставе ПМХА 1808 г. нет единой учебной дисциплины *materia medica*. Она разделена на две — «фармацию, или искусство составлять лекарства по предписанию врачей» (как синоним — «фармацевтическая наука») и «фармакологию». Впервые устав высшей школы Российской империи использует термин «фармакология» вместо «врачебное вещество» (в узком смысле этого слова). Вместе с тем, в Медико-хирургической академии, по понятным причинам, не было философского факультета, как в других российских университетах, где медики изучали математику, физику, химию, минералогию, ботанику, зоологию. Поэтому устав Академии предусматривал соответствующие четыре кафедры и присоединил к одной из них «фармакологию», а к другой — «наставление писать рецепты»: 1) математико-физика; 2) зоология и минералогия; 3) ботаника и фармакология; 4) химия и наставление писать рецепты. Фармакология преподавалась на третьем году четырехгодичного обучения.

Имеются сведения, что в 1820-х годах в ПМХА был «фармакологический кабинет», который состоял из собрания разных лекарственных веществ «более растительного царства

и некоторых препаратов. Вещи эти некоторые показываются только на лекциях, но большая часть раздается и учащимся» [1, с. 13]. Несмотря на выделение из материи медики в отдельную учебную дисциплину фармакологии, преподавание последней продолжало носить чисто эмпирический (описательный) характер.

В 1824–1829 гг. фармакологию в ПМХА преподавал профессор Александр Петрович Нелюбин (1795–1858). Именно при профессоре Нелюбине появились первые проблески, первые тенденции нового направления, вытекающего не из прежней эмпирической материи медики, а основанного на изучении химической стороны лекарственных веществ для практического их применения. Того направления, которое получило наименование экспериментального и которое четко обозначил в фармакологии другой фармаколог в другом российском вузе — Рудольф Бухгейм (1820–1879) в Дерптском университете. О нем речь ниже.

18/30 декабря 1835 г. был принят новый устав ПМХА [20]. В параграфе 111 этого устава перечисляются предметы преподавания. Среди них «фармация теоретическая и практическая» и «врачебное вещество» (*materia medica*) с включением токсикологии и учения писать рецепты». Как видим, название дисциплины «фармакология» сразу не прижилось, хотя после принятия предыдущего устава ПМХА 1808 г., где впервые используется термин «фармакология», прошло более четверти века. Устав Академии 1835 г. вернулся к старому, проверенному временем термину, которому уже много веков и который использовал еще Педания Диоскорид. Но здесь еще раз надо обратить внимание, что словосочетание «врачебное вещество», или «*materia medica*», используется в узком понимании, то есть как

синоним «фармакологии», так как «фармация» уже выделена из материи медики в отдельную учебную дисциплину. Вместе с тем, в этом же уставе Академии 1835 г., в параграфе 124, где перечисляются «публичные испытания студентам на звание лекаря», среди других «предметов» под пунктом четыре приводится «фармакология с включением токсикологии и рецептуры» (под пунктом пять указана «фармация»). В параграфе 140 «об учебных пособиях», которые полагаются быть в Академии, указаны как «аптека с фармацевтической лабораторией», так и «фармакологический кабинет». Профессоров по-прежнему было меньше, чем предметов преподавания, а это значило, что один профессор должен был читать более чем одну учебную дисциплину. В уставе отмечено: «§ 112. Соединение и разделение учебных предметов, для уравнивания трудов между профессорами, смотря по удобности, предоставляется конференции академии с утверждением министра внутренних дел».

26 июля/7 августа 1835 г. Николаем I был подписан второй общий университетский устав Российской империи, заменивший первый общий университетский устав 1804 г., который, однако, не был распространен на Дерптский университет. На медицинском факультете уже 10 профессоров. Кафедра имеет длинное название — «врачебное вещество»:

- а) общая терапия;
- б) врачебное вещество, токсикология и изъяснение минеральных вод;
- в) фармация;
- г) рецептура;
- д) диететика или гигиена [21].

Таким образом, устав 1835 г., подтверждая первый общий устав Российских университетов 1804 г., предусматривает преподавание «врачебного ве-

ществословия» (используется не термин «фармакология», а в качестве его синонима «врачебное веществословие») как самостоятельной учебной дисциплины. Однако отдельного профессора для этой дисциплины по-прежнему нет. Профессор должен был преподавать несколько учебных дисциплин, в том числе и «фармацию», и «врачебное веществословие», которые совсем недавно — к началу XIX в. — были одной учебной дисциплиной — *materia medica*.

Общие университетские уставы — и первый 1804 г., и второй 1835 г. — не распространялись на Дерптский университет. 19/31 октября 1842 г. были введены дополнительные штаты специально для Дерптского университета. В этом вузе появилась отдельная кафедра фармации. Таким образом, преподавание фармацевтических наук и фармакологии, вслед за ПМХА, стало осуществляться разными профессорами [22]. Следующий устав Дерптского университета от 9/21 января 1865 г. утвердил такое название — кафедра фармакологии, диететики и истории медицины [23].

В 1847 г. кафедру фармакологии в Дерптском университете занял Рудольф Бухгейм (Rudolf Buchheim; 1820–1879). Именно он со своими исследованиями в экспериментальной фармакологии в созданной им в 1847 г. фармакологической лаборатории в Дерптском университете сыграл ключевую роль в превращении фармакологии из эмпирической (описательной) в точную (экспериментальную) науку. Начало современной экспериментальной фармакологии положено им, а место рождения ее — кафедра фармакологии Дерптского университета. Р. Бухгейм родился в Баутцене/Bautzen (Королевство Саксония, ныне ФРГ), медицину изучал в Дрездене и Лейпциге, где получил в 1845 г. степень доктора ме-

дицины. Кафедру в Дерпте профессор Бухгейм возглавлял 20 лет. В 1867 г. ее возглавил ученик профессора — Освальд Шмидеберг (Oswald Schmiedeberg, 1838–1921), которого историки фармации также относят к основателям экспериментальной фармакологии. Шмидеберг был подданным Российской империи, выходцем из прибалтийских немцев (родился в имении Лайдзе близ Талси в Курляндской губернии, ныне эта местность в волости Лайдзе, Талсинского края, Латвия). Медицину изучал в Дерптском университете, где в 1866 г. защитил диссертацию и получил степень доктора медицины. В 1872 г. он из Дерпта переезжает в отошедший в результате франко-прусской войны (1870–1871 гг.) к Германской империи Страсбург, чтобы возглавить кафедру фармакологии в местном университете. Он заведовал этой кафедрой в течение 46 лет. В 1873 г. совместно с терапевтом Б. Наунином (B. Nuhn; 1839–1925) и патологом Э. Клебсом (E. Klebs; 1834–1913) Освальд Шмидеберг основал “Archiv für experimentelle Pathologie und Pharmakologie” (в настоящее время — Nuhn-Schmiedeberg’s Archives of Pharmacology) — старейший журнал по фармакологии.

8/30 июня 1863 г. император Александр II подписал третий общий университетский устав Российской империи. Он распространялся на Московский, Казанский, Святого Владимира в Киеве и Петербургский университеты (впрочем, в последнем медицинского факультета не было). На медицинском факультете устав предусматривал уже 17 кафедр. Наша кафедра называется «фармакология теоретическая и экспериментальная», при ней:

- а) рецептура,
- б) учение о минеральных водах [24].

При этой кафедре полагалось «собрание средств, необ-

ходимых для производства опытов», а всего на год на содержание «фармакологического кабинета» ассигновывалось 120 рублей серебром. Таким образом, впервые устав 1863 г. не посчитал возможным присоединить к фармакологии какие-либо другие «учебные предметы для уравнивания трудов между профессорами». И, на это тоже надо обратить внимание, в названии кафедры указано, что фармакология не только теоретическая, но и экспериментальная дисциплина.

В 1868–1875 гг. в ПМХА фармакологию преподавал Осип (Иосиф) Викентьевич Забелин (1834–1875). Он первый в Академии повел преподавание фармакологии экспериментальным путем и тем обозначил черту, которая отделяет между собой два этапа в преподавании фармакологии в этом вузе. О. Забелин создал фармакологическую лабораторию в Академии, введя экспериментальный метод фармакологических исследований. Он преподавал фармакологию на основе сведений, полученных только строго научными методами. Так, в своих лекциях он говорил только о тех лекарствах, которые к тому времени были изучены в эксперименте [25]. При его приемнике профессоре Петре Петровиче Сущинском (1842–1894) преподавание фармакологии шло в том же экспериментальном направлении, с той только разницей, что профессор Забелин придерживался главным образом, если так можно выразиться, «химической стороны» фармакологии. Профессор Сущинский же, как на своих лекциях, так и при экспериментальных исследованиях в лаборатории уделял больше внимания экспериментально-физиологическим исследованиям на животных.

23 августа/4 сентября 1884 г. был введен последний — четвертый — общий университетский устав Российской империи. На медицинском факуль-

тете — 23 профессора (по количеству кафедр). Наша кафедра — фармакология с рецептурой, токсикологией и учением о минеральных водах [26]. Таким образом, четвертый общий университетский устав 1884 г. подтвердил третий устав 1863 г. о наличии отдельной кафедры фармакологии в высшей медицинской школе.

К этому времени в преподавании фармакологии во всех вузах прочно утвердилось экспериментальное направление. Благодаря крупному перевороту в естественных науках, главным образом в физиологии и химии, фармакология из описательной науки стала экспериментальной. Химики занялись анализом, в том числе и лекарственных веществ, выделяя из них «действующие начала» и создавая новые путем синтеза. Затем «действующие начала» и новые синтезированные вещества исследовались в физиологических лабораториях путем экспериментов на животных в токсических дозах. Обычно называют двух физиологов, которые больше повлияли на появление экспериментальной фармакологии. Это французы Ф. Мажанди (François Magendie; 1783–1855) и К. Бернар (Claude Bernard; 1813–1878).

Поэтому не случайно, что при тех тенденциях, которые наблюдались во второй половине XIX ст., кафедры фармакологии в высшей школе возглавляли физиологи. В 1890–1895 гг. кафедру фармакологии в Петербургской военно-медицинской академии возглавлял Иван Петрович Павлов (1849–1936) [27]. Его ученик физиолог Василий Николаевич Болдырев (1872–1946) — с 1912 г. заведующий кафедрой фармакологии на медицинском факультете Казанского университета. Ученик петербургского профессора-физиолога И. Р. Тарханова (1846–1908) Петр Яковлевич Борисов (1864–1916) с 1902 г.

по день смерти был заведующим кафедрой фармакологии на медицинском факультете Новороссийского университета в Одессе.

Кроме того, из сформировавшейся к тому времени физиологической (медицинской) химии в фармакологию приходят молодые ученые. Так, некоторые ученики заведующего кафедрой физиологической химии Петербургской военно-медицинской академии А. Я. Данилевского (1838–1923), который сам успел побывать заведующим кафедрой фармакологии (в 1865–1868 гг. на медицинском факультете Казанского университета), стали профессорами-фармакологами. Это Борис Иванович Словоцов (1874–1924), который с 1910 г. был заведующий кафедрой фармакологии в Николаевском университете в Саратове, и Давид Мелитонович Лавров (1867–1928), возглавлявший кафедры фармакологии на медицинском факультете Юрьевского университета (1903–1918), на медицинском факультете Воронежского университета (1918–1922) и в Одесском медицинском институте (1922–1928).

Выводы

1. В XVIII в. в высшей медицинской школе Российской империи как учебная дисциплина преподавалась *materia medica* (материя медика), а фармакологии как отдельного предмета преподавания не было. Преподавание материи медицины носило описательный характер.

2. В 1804 г. первый общий университетский устав Российской империи впервые разделил *materia medica* на две самостоятельные учебные дисциплины: «врачебное вещество» (фармакология) и «фармацию», однако отдельных профессоров для этих дисциплин не предусматривалось. Несмотря на выделение из материи медицины в отдельный

предмет преподавания фармакологии, изложение последней продолжало носить чисто описательный характер.

3. В 1808 г. устав Петербургской медико-хирургической академии, следуя первому общему университетскому уставу Российской империи, разделил *materia medica* на два предмета преподавания: «фармацию» («фармацевтическая наука») и «фармакологию». Впервые в этом уставе для названия учебной дисциплины используется термин «фармакология» вместо «врачебное вещество».

4. В созданной в XIX в. в Российской империи системе высшего медицинского образования были заложены предпосылки для формирования новых направлений в развитии медицинской науки. В частности, в рамках этой системы возникла экспериментальная фармакология: Р. Бухгейм, кафедра фармакологии Дерптского университета (1847 г.).

5. В 1863 г. третий общий университетский устав Российской империи закрепил для преподавания фармакологии отдельного профессора и в названии кафедры («фармакология теоретическая и экспериментальная») подчеркнул соответствующую направленность в её деятельности.

6. Развитие в фармакологии экспериментального направления привело к тому, что молодые доктора наук, приват-доценты физиологи стали возглавлять кафедры фармакологии: И. П. Павлов (Петербург), В. Н. Болдырев (Казань), П. Я. Борисов (Одесса). По той же причине кафедры фармакологии возглавили и приват-доценты физиологической (медицинской) химии: Б. И. Словоцов (Саратов), Д. М. Лавров (Юрьев, Воронеж, Одесса).

Перспектива дальнейших исследований: естественным продолжением данной работы будет анализ преподавания

фармакологии в отечественной высшей медицинской школе в следующем — XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сущинский П. П. Очерк истории кафедры фармакологии с рецептурой и учением о минеральных водах / П. П. Сущинский, С. Д. Костюрин. — СПб., 1898. — 53 с.
2. Попов С. А. Кафедра фармакологии / С. А. Попов // Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). — Харьков, 1905–1906. — С. 311–325.
3. Николаев В. В. Кафедра фармакологии / В. В. Николаев // 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М.; Л., 1940. — С. 117–126.
4. Кафедра фармакологии // Медицинский факультет Тартуского государственного университета. — Таллинн, 1982. — С. 61–71.
5. Кривобокова С. С. Совершенствование программ преподавания фармацевтических дисциплин в Российских университетах в XIX веке / С. С. Кривобокова, М. С. Сергеева // Медицинская помощь. — 2007. — № 6. — С. 50–53.
6. Сорокина Т. С. История медицины / Т. С. Сорокина. — М., 2004. — 559 с.
7. Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники / Б. Н. Палкин. — М., 1959. — 272 с.
8. Волков В. А. Рингебройг И.-Х. Российская профессура XVIII — начала XX вв. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь / В. А. Волков, М. В. Куликова. — СПб., 2003. — С. 378.
9. Сточик А. М. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке / А. М. Сточик, С. Н. Забравкин. — М., 1996. — 368 с.
10. Устав Императорского Дерптского университета [1803 г.] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1864. — Т. 1. — С. 123–186.
11. Бэр К. М. Автобиография / К. М. Бэр. — Л., 1950. — 544 с.
12. Устав Императорского Виленского университета [1803 г.] // ПСЗРИ. Собрание 1. — СПб., 1830. — Т. 27, № 20765. — С. 610–620.
13. Устав Императорского Московского университета [1804 г.] // ПСЗРИ. Собрание 1. — СПб., 1830. — Т. 28, № 21498. — С. 570–589.
14. Устав Императорского Харьковского университета [1804 г.] // ПСЗРИ. Собрание 1. — СПб., 1830. — Т. 28, № 21499. — С. 589–607.
15. Устав Императорского Казанского университета [1804 г.] // ПСЗРИ. Собрание 1. — СПб., 1830. — Т. 28, № 21500. — С. 607–626.
16. Устав и штаты Императорской медико-хирургической академии 1806 г. // История Императорской военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет. — СПб., 1898. — Приложение. — С. 28–39.
17. Васильев К. Г. Роль И.-П. Франка в развитии высшего медицинского образования в России / К. Г. Васильев, К. К. Васильев // Советское здравоохранение. — 1980. — № 10. — С. 62–65.
18. Устав Императорской Санкт-петербургской медико-хирургической академии и Московского его отделения [1808 г.]. — СПб., 1808. — 33 с.
19. Ильин Л. Ф. Краткий исторический очерк кафедры фармации и фармацевтического отделения Императорской военно-медицинской академии / Л. Ф. Ильин. — СПб., 1899. — 94 с.
20. Устав Императорской Санкт-петербургской медико-хирургической академии [1835 г.]. — СПб., 1835. — 48 с.
21. Общий устав Императорских российских университетов [1835 г.] // ПСЗРИ. Собрание 2. — СПб., 1836. — Т. 10, отд. 1, № 8337. — С. 841–855.
22. Дополнительный штат Императорского Дерптского университета [1842 г.] // ПСЗРИ. Собрание 2. — СПб., 1843. — Т. 17, отд. 2. — Приложение I, штаты и табеля. — С. 176–177.
23. Устав Императорского Дерптского университета [1865 г.] // ПСЗРИ. Собрание 2. — СПб., 1867. — Т. 40, отд. 1, № 41667. — С. 21–30.
24. Университетский устав 1863 года. — СПб., 1863. — 128 с.
25. Панащенко А. Д. Иосиф Викентьевич Забелин (К истории отечественной фармакологии) / А. Д. Панащенко. — Л., 1950. — 17 с.
26. Общий устав Императорских российских университетов [1884 г.] // ПСЗРИ. Собрание 3. — СПб., 1887. — Т. 4, № 2404. — С. 456–474.
27. Аничков С. В. И. П. Павлов как фармаколог / С. В. Аничков, М. А. Гребенкина. — М., 1951. — 39 с.

